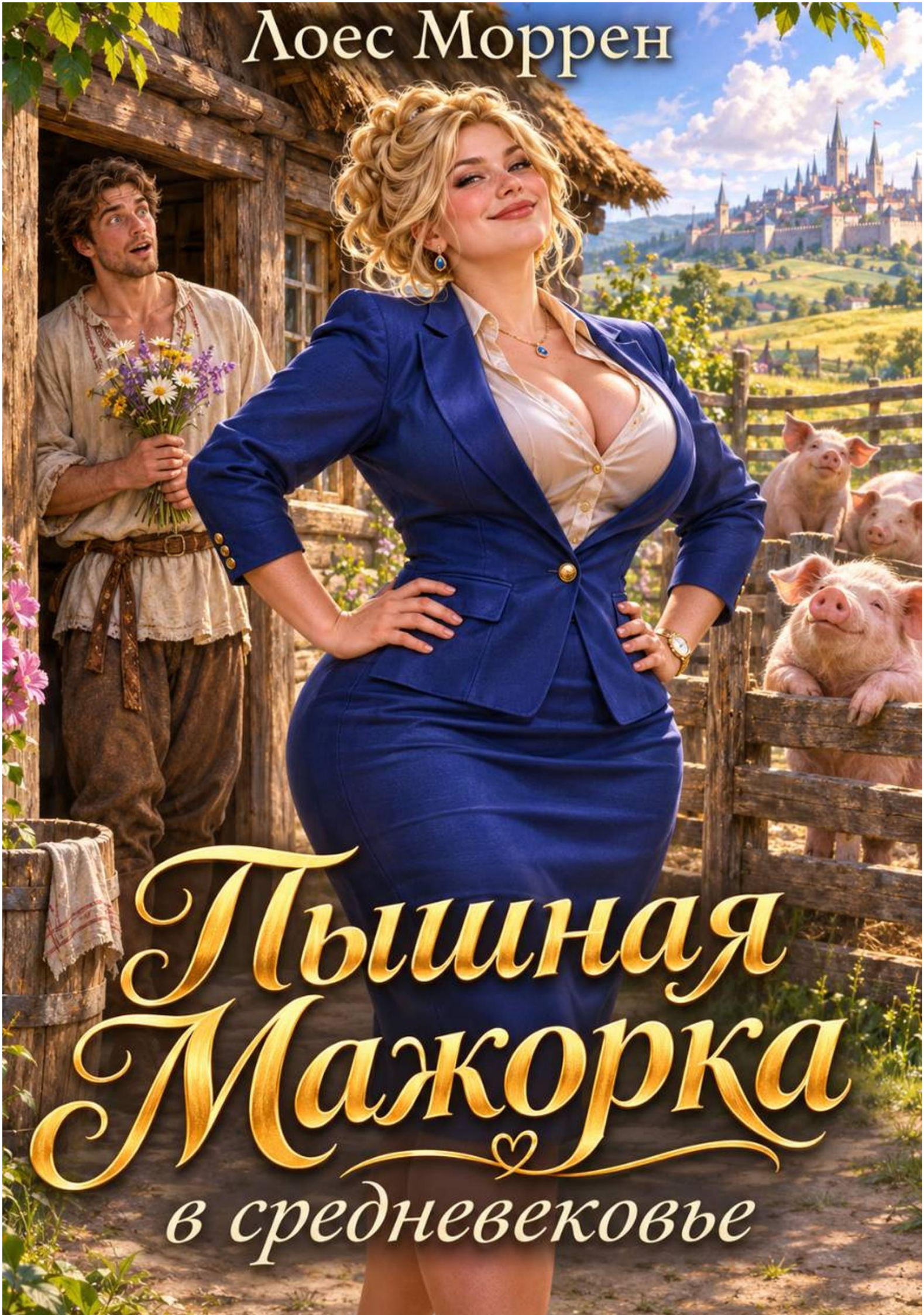
Лоес Моррен

Пышная Мажорка

в средневековье

Лоес Моррен

Пышная мажорка в средневековье

«Автор»
2026

Моррен Л.

Пышная мажорка в средневековье / Л. Моррен — «Автор», 2026

Я ехала выкупать деревню под торговый центр, машина застряла на лесной дороге. Пришлось идти пешком через чащу. Из леса я вышла в деревянных башмаках, с мешком приданого и женихом, который при виде моих форм первым делом засомневался, хватит ли мне места. Места мне хватило. Теперь я присматриваюсь ко всему двору.У Савелия, моего новоиспечённого мужа, есть корчма с дырявой крышей, завсегдатай, который платит за пиво обещаниями, и хрюшка по имени Герцогиня. Пока что Герцогиня - единственная местная знать, с которой я познакомилась лично. Она заперла меня в загоне, и с тех пор я прекрасно понимаю, почему при дворе так важны связи.План у меня простой: поставить корчму на ноги, накопить на имение и пробиться в знать. Для начала надо отмыть столы, добыть приличное вино у монахов и объяснить Савелию, что за поцелуй я денег не возьму, а вот за пиво с его друзей - обязательно.И всё бы шло по смете, если бы к нашей красной двери однажды не подкатила боярская карета...

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Лоес Моррен
Пышная мажорка в средневековье

Глава 1

Я доверяла свою машину только трём мужчинам, и двое из них были с завода. Третий, наш офисный консьерж Миша, в тот день встречал меня у ступенек с зонтом и таким лицом, будто сам заказал дождь и теперь хотел за него чаевые.

Я дождалась, пока он откроет дверь, выставила наружу одну ногу и увидела, что ступать мне предстоит в лужу. Миша проследил за моим взглядом и предусмотрительно отодвинулся, чтобы я могла посмотреть на лужу целиком.

— Вы вчера обещали, что здесь будет резиновая дорожка, — напомнила я, подбирая подол платья. — Вчера у меня были туфли, в которых ещё можно по воде ходить, а сегодня на мне туфли, в которых по воде только вы меня носите. Подъеду ближе или будете брать на руки?

Миша выбрал первый вариант и даже придержал дверь, пока я перекатывалась на полметра вперёд. Выбравшись на сухую ступеньку, я вручила ему ключ и велела обойти машину кругом.

На прошлой неделе мне на мойке оставили царапину размером с ресницу, а потом двое взрослых мужчин двадцать минут доказывали мне, что я привезла её с собой. С тех пор я предпочитала передавать имущество при ясном понимании, сколько у него углов.

— На моё место внизу, задом, от стены подальше, — сказала я, пока Миша осматривал бампер. — Если найдёте царапину до парковки, приходите за премией за внимательность. Если после, приходите с той стороны, с которой вас будет хуже видно.

Он сунул зонт мне в руку и попросил подержать, пока фотографирует правое крыло. У парня обнаружилась деловая хватка, так что я простила ему лужу и поднялась в свой кабинет в хорошем настроении.

Оно продержалось до той секунды, когда я увидела за стеклянной дверью руководителя проекта над раскрытыми папками. Андрей даже сел с той стороны, где обычно сидела я, и от волнения попытался встать вместе со стулом.

— У нас, в общем, приятная динамика, — сообщил он, переставляя стул на место. — Подрядчик подтвердил людей, техника свободна со среды, и по Дубовому Логу мы почти вышли на финальный этап. Там осталось немного по домам.

Я сняла мокрый плащ и протянула его помощнице, которая заглянула узнать, подавать ли кофе. Попросила кофе в чашке с ручкой побольше, потому что из последней, кукольной, мне пришлось пить, засунув мизинец под донышко. Потом придвинула к себе список собственников и пошла по правой колонке указательным пальцем. В ней так долго ничего не было, что я начала подозревать производственный брак у принтера.

— Андрей, где подписи людей, чьи дома вы собрались сносить со среды? — спросила я. Он наклонился ко мне и показал две строки в самом низу. — Один дом выставлен на продажу ещё весной, второй уже без крыши, а где подписи тех, кто там живёт?

Он заговорил о встречах, повторных звонках и старосте, который упорно назначал одно и то же собрание на воскресенье. На последнем собрании наши люди показали жителям картинку с торговым центром и парковкой на месте деревни.

Вопросов, по словам Андрея, было много, но к концу все отчего-то свелись к тому, где именно после сноса будут жить люди. Помощница бесшумно поставила передо мной чашку с роскошной ручкой, за которую можно было держаться двумя пальцами.

— У моей машины датчик пищит, когда я близко к стене, — сказала я и отпила кофе. — У вас договор горит, а вы даже не пищите. Сколько нам будет стоить неделя, если подрядчик в среду привезёт экскаватор и будет любоваться им через забор?

Андрей назвал сумму. Я сделала ещё глоток, потому что после такой суммы кофе следовало сразу подавать с коньяком, а мне надо было за руль. Складировать чужую технику в чужом дворе я умела и без подрядчика, и велела придержать выезд, дать мне подборку свободных домов в округе и телефон старосты. Андрей спросил, к какому сроку ему готовить новые предложения, и чуть не выронил ручку, когда я ответила, что он успеет прислать их, пока я буду ехать.

Миша ещё не успел уйти из подземного гаража, когда я спустилась за ключом. Он настороженно вытянул телефон с фотографией крыла, но я попросила только проложить дорогу без утренних пробок.

До Лога оказалось меньше часа, и я решила, что к обеду у меня будет хотя бы одна подпись. В хороших туфлях, с горячим кофе и деньгами на торг всё это представлялось вполне выполнимым.

Старосту я набрала, едва выбралась на шоссе. Он ответил после шестого гудка, выслушал моё имя и попросил подождать, пока вытянет ведро. Я слышала, как скрипит ворот, как болтается цепь и как кто-то рядом предлагает сам поставить ведро. Хотелось сообщить, что ради такого концерта можно было хотя бы включить мне музыку.

— Это вы из той конторы, где на картинке у нас вместо домов стояли машины? — спросил он наконец. — Так вы приезжайте в субботу, у нас ярмарка в соседнем селе. Сами посмотрите, сколько здесь машин бывает, когда разом все уезжают.

— За машинами люди приедут из города, — объяснила я, следя за грузовиком, который полз в правом ряду с видом тяжело оскорблённой гусеницы. — А к вам я еду поговорить про дома и деньги. У ваших соседей, к примеру, есть выбор из трёх участков с подъездом и электричеством, и на одном уже стоит дом.

Староста поинтересовался, проведут ли воду на два других. Я сказала, что скважину можно включить в предложение, и тут же услышала, что у них свой колодец, в пятидесяти шагах от крайнего дома.

За воду никто не платит, если сам крутит ворот, а кто уже крутить не может, тому принести есть кому. Я поймала себя на том, что мысленно оцениваю неплохой потенциал экономии, если сделать одну скважину на все участки, и спросила, почему тогда они сразу не выбрали дома рядом.

— А вы им рядом нашли? — Староста говорил без злости, отчего мне приходилось слушать до конца. — Сестра у меня через два двора, зять за поворотом, а предложили нам переехать по разным сёлам, хотя зять ко мне за пять минут прибежал, когда поясницу прихватило. На ваших участках я за те же пять минут разве что лягу поудобней.

Я перестроилась и обошла грузовик. Андрей уже прислал таблицу, и голосовой помощник зачитал название файла с таким придыханием, будто там был снимок его голого начальника. Я выключила уведомления и попросила старосту просто показать мне, о каких домах идёт речь.

Если собрать несколько семей в одной точке, можно заново посчитать всё предложение, а землю под застройку я предпочитала обсуждать с людьми, которые хотя бы видели меня в лицо.

— Начните с моего, — сказал староста. — У меня яблоня за домом, отец её после свадьбы сажал. Ей семьдесят лет, она одна кормит яблоками всю нашу улицу. Куда я её пересажу, на какой из ваших участков?

— За саженец и уход в первые годы мы можем заплатить отдельно, — сказала я, довольная, что наконец нашлась статья расходов, которую я могла назвать сразу. В трубке опять глухо стукнуло ведро. — Можем даже посадить вам сразу несколько, если одной будет мало.

— А мне, по-вашему, сколько ещё сидеть под этими саженцами, пока они начнут плодоносить? — спросил он. Я открыла рот, но предлагать мужчине сезонную поставку яблок мне хватило ума только мысленно. — Приезжайте к голубой калитке, это крайний дом у леса, там и скажете, как яблоню в багажник грузить.

Он объяснил, что от шоссе лучше ехать через мост, где дорога хоть и петляет, зато держит колёса после дождя. Я поблагодарила и ещё минут пять считала, сколько можно добавить к цене одного дома, прежде чем за теми же деньгами придут из остальных.

Раньше я за неделю уговаривала двоих поссорившихся братьев продать мне один склад, причём один из них приходил на переговоры с лопатой, чтобы второй хорошо понимал пределы родственного терпения. В итоге оба вышли с подписанными бумагами, а лопату мы обменяли на бутылку, так что я ещё надеялась поладить и со старостой.

Перед съездом к мосту навигатор показал красную полосу и предложил срезать через лес. Я посмотрела на время прибытия, которое уменьшилось на семнадцать минут, и вспомнила, что дома меня ждал обед, который могли разогреть всего дважды, прежде чем я начинала различать вкус микроволновки.

У лесной дороги торчала рама от пропавшего дорожного знака. Я свернула в лес, решив, что из нас троих дорогу здесь всё-таки выбираю я, а навигатор мне хотя бы подыгрывал.

Первые метров двести дорога была вполне приличная, и я успела осудить старосту за склонность преувеличивать. Потом асфальт кончился, впереди открылась колея между двумя буграми, а на экране голубая линия ровно тянулась куда-то за сосны.

Я вывернула руль, чтобы пустить колёса по краям колеи, и даже проехала так с десяток метров. Потом машина чуть накренилась, под днищем смачно чавкнуло, и я повисла на ремне, как в дорогом лифчике, который держит всё, кроме настроения.

Я сдала назад, прибавила газу и получила в боковое стекло порцию земли. Машина осталась в той же позе, только дворники радостно заметались, будто спереди можно было поправить то, что приключилось снизу.

Я заглушила мотор, откинула голову и досчитала до пяти. На шестой секунде пришлось открыть дверь, поскольку в стоимость моего автомобиля, как выяснилось, входил массаж спины, но не входил человек, который выйдет из него в грязь за меня.

Край колеи я могла достать пяткой, если широко расставить ноги и придерживаться за дверь. Со стороны это наверняка походило на попытку сесть на горшок в тесной кабинке, но зрителей, слава богу, не было.

С одного взгляда стало понятно, что колесо вырыло себе углубление и обратно полезет только по чему-нибудь твёрдому. Я подыскала ветку, сломала её с третьего раза об землю и подложила под колесо вместе с фирменным ковриком, в цену которого наверняка входила способность лежать ровно.

Я снова забралась в салон, вытерла ладонь о бумажную салфетку и осторожно нажала на газ. Коврик вылетел наружу с таким звуком, будто машина решила огрызнуться, а грязь брызнула через оставленную приоткрытой дверь мне на оба чулка.

Я успела поднять ноги и ударилась коленкой о руль. Тот в ответ коротко просигналил, и мне пришлось признать, что свою часть разговора он ведёт конструктивнее меня.

Пока я искала номер эвакуатора, телефон дважды показал красную батарейку, а корявый провод в подлокотнике, оказывается, всю дорогу только изображал зарядку. Из трёх попыток дозвониться до Миши во всех трёх вышел красивый круг на экране.

Я успела отправить Андрею сообщение с точкой на карте и просьбой пока не выпускать людей на участок, но не дождалась отметки, что оно ушло. До крайнего дома оставалось рукой подать, если верить той же карте, что минуту назад уверяла меня, будто я еду по дороге.

Я сняла чулки, потому что в мокрых чулках швы тёрли пальцы, сунула голые ступни в туфли и вышла. Плащ я оставила на сиденье, чтобы потом было во что завернуться, а телефон забрала из чистого упрямства.

Под деревьями дождь ослабевал, и сперва мне удалось идти по траве, отыскивая носком твёрдые кочки. Потом я ступила на ровный с виду пятачок, приподняла ногу и обнаружила, что она пришла наверх одна.

Мой каблук утонул ровно настолько, чтобы за него нельзя было ухватиться, стоя прямо. Я присела, обхватила пятку туфли двумя руками и потянула на себя, стараясь не сесть в грязь задом, потому что выкапывать потом ещё и зад мне было бы физически некому.

Туфля поддалась с неприличным всхлипом, каким могло бы закончиться очень неудачное свидание. Вот и весь красный низ, подумала я, выковыривая из него веточку, остался низ, да и тот с присоской.

Я постояла на одной ноге, с туфлей в руке, и всерьёз прикинула, нельзя ли дойти босиком. Из жёлтой травы у самой тропы торчал осколок бутылки, а чуть дальше что-то острое блестело уже под водой. Я втиснула ногу в холодную кожу и мысленно уволила всех, кто придумал прогулки на свежем воздухе.

Дальше идти я решила по корням. У канавы, откуда уже виднелась крыша, я положила телефон в карман, чтобы освободить руки, ухватилась за молодую берёзку и перешагнула на сухое.

Сперва показалось, что подол платья зацепился и тянет меня назад, но на моём платье подол едва доставал до колен. Я опустила глаза и увидела юбку из тяжёлой рыжей ткани, в которой можно было запросто спрятать ведро, сесть поверх него и заявить, что я худая от природы.

Я потянула юбку вверх и увидела на ногах две деревянные посудины, между которыми были зажаты мои ступни. Башмаки натёрли бы мне пятки, если бы их владелица заранее не проложила их тряпками, и я испытала к ней неожиданную благодарность.

В кармане вместо телефона нашлась тесёмка. Стоило дёрнуть за неё, как из-под рыжего подола полезла белая юбка, и я поспешно завязала всё обратно, пока не предъявила задницу кому-нибудь из местных.

Впереди стоял бревенчатый дом, за ним амбар, а сбоку вдоль дощатого загона гуляли свиньи. От одной из них я отличалась главным образом тем, что она с удовольствием держала ноги в грязи, а я пока берегла деревяшки.

У дороги торчали два кривых столба без голубой калитки, рядом стояла низкая повозка. Я решила, что деревня, конечно, имела право быть живописной, но человек, который вздумает сейчас предложить мне мастер-класс по сельскому быту, получит башмаком по самому мягкому месту.

Дверь дома распахнулась, и оттуда вышел старик в холщовой рубахе. Пока я выискивала у него в руке телефон, он почти бегом пересёк двор и взял меня за рукав.

Пальцы у него были в муке, и на моей одежде остались четыре белые полосы. Захоти он меня так потрогать в офисе, у его руки была бы ровно секунда, чтобы вернуться к владельцу, а тут я сперва оглянулась на дорогу, убедиться, ко мне ли он вообще бежал.

— Плюшка, вот куда ты делась, а я уж думал, что ты сбежала! — Он потянул меня к повозке и на ходу оглядел мои ноги. — Правый башмак опять разбух, я тебе говорил, не ставь у порога. Садись скорее, жених ждёт.

— Плюшей меня действительно зовут, а насчёт жениха я бы на вашем месте не торопилась, — ответила я, отцепляя его пальцы от рукава. — Мне бы сперва понять, куда я попала и с кем сейчас говорю. Вы староста, который про яблоню рассказывал?

Старик посмотрел на меня так, как смотрят на родню, когда она затеяла спор при чужих. Назвался дедом и ткнул пальцем во двор, где под яблоней стояло корыто. У дерева ствол был мне по запястью, и в кроне висело яблок шесть, из которых два уже кто-то надкусил.

Я припомнила голос из телефона и поняла, что этот человек и тот, с ведром, различались бы, даже если бы оба от меня убегали и слушать пришлось только ругань.

— Ты, Матвей, потом назад по большой дороге езжай, дубы объедешь, — крикнул дед вознице, который вытаскивал из упряжи соломинку. — В Дубовом Логе друиды живут, опять за колесо браниться будут. В прошлый раз до самого моего крыльца бежали, а у них, между прочим, ноги помоложе.

У Матвея за поясом висели рукавицы, на стене дома сохла рубаха с заплатой на плече, и даже след от сапога в грязи был гладкий, без узора на подошве. Я покрутила головой и нигде не увидела ни проводов, ни пластика, ни хотя бы косой полосы от самолёта.

За канавой, где я только что берегла лабутены, солнце лежало на сухих ветках, хотя весь день до этого лил дождь. Если кто-то затеял представление, он расщедрился на целую округу, включая навоз под моим левым башмаком.

Из дома запахло хлебом, и у меня громко заурчало в животе. Старик счёл это согласием и опять показал на повозку, а я прикинула, что из всего доступного мне транспорта эта хотя бы стояла на дороге и имела водителя.

Посреди леса с пустыми карманами мне предстояло либо идти до ночи наугад, либо ехать с человеком, который обещал ждать меня в доме, пусть даже этот человек нагло считал себя женихом. После сегодняшнего знакомства с навигатором за второй вариант я была готова заплатить.

— Мне нужно туда, где можно поесть, где есть крыша и где люди сначала знакомятся, а потом хватают за рукав, — сказала я Матвею, придерживая обе юбки. — Денег при себе у меня сейчас нет, так что сперва назовите цену. Если за поездку полагается выходить замуж, я хотела бы хотя бы выбрать место на сиденье.

— Садись слева, там доска ровная, — посоветовал Матвей, а дед за его спиной уже тащил из дома мешок. — За дорогу мне жених заплатит, он обещал и кобыле овёс. А поговорить с ним ты успеешь, корчма у него по вечерам допоздна открыта.

Дед перекинул мешок через борт и посоветовал беречь бельё, поскольку оно обходилось ему дороже, чем вся поездка. Я уселась слева, на ровную доску, и тут же выяснила, что ровная в здешнем понимании значит без торчащего гвоздя.

Порывшись в мешке, я сложила вчетверо первую попавшуюся рубаху и подсунула под себя. В жизнь, где у меня уже были дед, жених и бельё, я въехала сидя на собственном приданом.

Матвей правил кобылой так неторопливо, будто каждым оборотом колеса зарабатывал на следующий. Я вцепилась в борт на первом ухабе и разговорила его на втором, расспрашивая, где у жениха дом и чем он живёт.

Дом оказался у столичных ворот, корчма через двор, а имя у счастливца было Савелий. На мой вопрос, красив ли он, Матвей заметил, что у парня все зубы свои, и таким образом избавил меня от необходимости самой выяснять, с чего здесь начинается мужская привлекательность.

К тому времени, когда мы выбрались на открытую дорогу, солнце опустилось к верхушкам деревьев. Стену над домами я сперва приняла за длинную насыпь, пока не увидела башню, а под ней ряды возов.

Мужчина в стёганой куртке у ворот помогал опустить деревянный брус, и какой-то купец с корзиной в руках уговаривал пропустить его хотя бы с товаром. Мужчина с большим участием выслушал, что рыба к утру завоняет, и посоветовал купцу поставить корзину с подветренной стороны.

— Вам всегда клиенты прямо к воротам подъезжают и стоят до утра? — спросила я Матвея, приглядываясь к людям на возах. У одного возницы уже был развёрнут хлеб, другой сосал куриную косточку и поглядывал, не осталось ли ещё чего под полотном. — Если они здесь ночуют, кто-нибудь им хоть горячего продаёт?

Матвей сказал, что жаровню иногда выносят под стену, а если нужна миска, надо в корчму, где и держит хозяйство Савелий. Со слов Матвея получалось, что самые надёжные гости моего жениха приходили пить, а уж ели что придётся, если оставались до ночи.

Я посмотрела на хвост очереди, где женщина пыталась разломить холодный пирог ребром ладони, и запомнила, сколько времени занимает путь от ворот до поворота. Себе я могла позволить хоть одной мыслью заняться заранее, даже если всё остальное в тот день выяснялось уже после того, как я садилась.

За поворотом Матвей свистнул и въехал в широкий двор, обнесённый жердями. Навстречу нам из-за сарая вышел молодой мужчина в льняной рубахе, с мокрыми по локоть рукавами. Он бросил полотенце на перила, перешагнул лужу и взял кобылу под уздцы, а та сразу перестала переступать и уткнулась ему носом в плечо.

У мужчины были широкие ладони и тёмные волосы, прилипшие ко лбу, и, пока он разбирался с ремнями, я успела подумать, что Матвей мог бы рассказать мне ещё кое-что, кроме сведений о зубах.

— Добрый вечер, Савелий, я тебе невесту привёз, — сказал Матвей, спрыгнув с облучка. Он заглянул за борт и увидел, что я уже стояла на крайке, примеряясь к расстоянию до земли. — Ты хоть руку ей дай, тут после дождя скользко.

Савелий поспешил ко мне, взял за руку и, пока я спускалась, очень внимательно следил за тем, как я ставлю ноги. Едва оба башмака коснулись земли, он поднял глаза, после чего его взгляд медленно спустился туда, где корсаж натянулся на груди.

У бедняги даже губы разошлись, и я увидела, что с зубами Матвей мне действительно не наврал. Я отпустила его руку и поправила корсаж, поскольку тот вполне справлялся с моими формами без постороннего надзора.

— Я с вашим дедом договаривался о свадьбе ещё весной, — сказал Савелий, наконец посмотрев мне в лицо. — Он сказал, что вы девушка ладная, и я решил, что вы, может, будете поменьше. То есть я приготовил вам место, только теперь думаю, хватит ли места.

— Худую надо было заказывать с меркой, — ответила я и указала на мешок в повозке. — Я в мешок с приданым всё равно не полезу, даже если вы там место приготовили. А где вы сами собирались ночевать и сколько места вам для этого требуется, мы ещё обсудим.

Ему стало так неловко, что он принялся извиняться перед Матвеем, который уже стоял к нам спиной и очень старательно показывал кобыле пустые ладони. Я проголодалась окончательно и сказала, что сначала хотела бы увидеть дом, а потом при наличии ужина выслушаю всё остальное, включая точные размеры места.

Савелий взял мешок и полез за ключом, но запутался в тесёмке на поясе. Я протянула ладонь, он послушно положил в неё ключ, и, пока Матвей вёл кобылу к сараю за обещанным овсом, мы вместе поднялись на крыльцо.

Замок открывался, если толкнуть дверь коленом, так что первый шаг в новый дом вышел у меня особенно решительным. Внутри пахло тёплой печью и свиньями, причём печь стояла рядом, а свиньям каким-то образом удавалось перебить её через две стены.

Я приметила лавку в тепле и пообещала себе сесть на неё, снять башмаки и хотя бы до ужина ничего больше не решать. Савелий поставил мешок у порога и деликатно спросил, где я собиралась держать свой ночной горшок.

Глава 2

Я попросила Савелия убрать горшок за дверь, и он уже собрался выставить его во двор. Пришлось уточнить, что мне нужна дверь, которую можно запереть, когда я с горшком окажусь по одну сторону, а любопытные по другую. Савелий подумал и ответил, что дверей в доме две, зато горшок у него с крышкой. Я впервые за день пожалела, что не доела офисный кофе вместе с чашкой.

— Покажите мне тогда всё целиком, — сказала я, снимая башмаки у лавки. — В доме, где горшок предлагают раньше ужина, я предпочитаю знать расположение выходов. А если вы предполагали показать мне сначала спальню, захватите свечу, я в темноте чужих достоинств не различаю.

Он взял лучину и пошёл впереди, а я двинулась следом в одних чулках из приданого мешка, которые успела нащупать у горловины. На третьем шаге пол подо мной прогнулся, и я ухватилась за Савелия повыше локтя. Под льняным рукавом очень кстати оказалась крепкая рука, и мне понадобилась ещё секунда, чтобы вспомнить, зачем я за неё взялась. Савелий мягко переставил мою ногу на соседнюю доску и сообщил, что здесь надо ступать ближе к стене.

В спальне кровать занимала почти весь проход. Ставня над ней держалась на кожаном ремешке, который изнутри был привязан к гвоздю, а снаружи, судя по сквозняку, к доброму слову. Я подёргала ремешок и спросила, где моются, на что Савелий с готовностью вытащил из-под лавки узкое корыто. Я оглядела его и поняла, что мы с моей задницей сможем принимать ванну по очереди.

— А у вас есть корыто, куда можно сесть целиком, включая ту часть, ради которой обычно и садятся? — спросила я. Савелий поставил корыто на ребро и показал, до какого места заполняет его водой. — Хорошо, что мы заранее обо всём поговорили, а то я бы полезла туда с головой и утопила только то, что влезло.

Он упрятал корыто под лавку с таким невинным видом, что я впервые заподозрила в нём способность терпеть меня нарочно. Потом я осмотрела печь, сундук и стол, у которого одна ножка была на палец короче остальных. Чтобы понять, насколько плохи стены, хватило взглянуть в щель у двери и увидеть там двор. Я вынесла заключение, что жить в таком сарае невозможно, и Савелий тут же предложил взять башмаки.

Я решила, что он собрался выставить меня за порог, поэтому надела башмаки медленно, с таким достоинством, с каким женщины в моём прежнем кругу застёгивали бриллиантовое колье. Савелий подхватил у крыльца фонарь, подождал, пока я привяжу юбку повыше, и отвёл меня за дом. Там он поднял щеколду на другой двери и впустил меня под крышу, где пахло сухими досками и старой соломой. Под ногой впервые за вечер ничего не шевельнулось.

— Вот сарай, — сказал он и повесил фонарь на крюк. — Топора у входа остерегайтесь, я его наточил, а вот полку можете трогать, она и меня держит. Если вы тут поселитесь, я только дрова к утру заберу, чтобы вас лишний раз не будить.

Я подняла фонарь. Дрова стояли в поленнице по толщине, зубья на граблях все до одного смотрели в одну сторону, а над полкой висела дощечка с бороздками, обозначавшими грядки. Савелий показал на ней, куда после лука пойдёт редька, и объяснил, почему у дальней ограды оставили проход для тачки. Человек, который мог без лишней доски построить полку, как-то ухитрился жить в доме с полом, который извинялся под ногами.

— А сколько здесь всего вашего? — спросила я, поворачивая дощечку к свету. — Матвей говорил про корчму, но я пока слышала только свиней. У корчмы хотя бы крыша своя или её вы с другой стороны сарая подпираете?

У корчмы оказались собственная крыша, зал и комнаты наверху. У хозяйского двора — коровы, несколько полос под посевы и три загона, потому что поросную свинью Савелий

держал отдельно. Он рассказывал об этом так, будто по моей просьбе переписывал содержимое карманов, а у меня перед глазами уже стояли возы у столичных ворот и женщина, которая ломала холодный пирог на колене. Я сняла фонарь с крюка, вернула хозяину дощечку и сказала, что теперь готова поужинать в его первом сарае и посмотреть, у кого ключи от второго.

За ужином Савелий нарезал хлеб и объяснил, что ключ от корчмы днём у него, а вечером заведение закрывает Аграфена, которая знает, где стоят бочки и кого из гостей приходится будить сапогом. За исключением своей доли сыра, я пока оставила корчму в покое и спросила про свадьбу. Тут выяснилось, что мы с Савелием до сих пор были только обещаны друг другу, причём договаривались его покойная мать и старик из Дубового Лога. Бумагу о браке должен был составить писарь при двух свидетелях, и это по крайней мере избавляло меня от необходимости подавать на развод с порога.

— Матушка боялась, что я останусь один и буду есть над корытом, чтобы посуду не мыть, — сказал Савелий, придвигая ко мне сыр. — Отец помер раньше, и они с вашим дедом порешили, что вдвоём мне и вам будет легче. Я бы сперва сам к вам съездил, только до сенокоса управился один раз, а вы тогда куда-то ушли.

На словах про мать он стал смотреть в стол, куда падали хлебные крошки. Я перестала жевать, пока он большим пальцем сгребал их с доски в ладонь, хотя ни одна крошка, кажется, ему не мешала. Мне доводилось видеть мужчин, которые в такой тишине сразу давали распоряжение кому-нибудь помладше, лишь бы не сидеть с тем, что сказали. Савелий сидел, и я пододвинула сыр обратно, оставив себе половину.

— Если вы хотите переночевать и завтра уехать, я вас отвезу, — сказал он после паузы. — А если хотите остаться, у писаря с утра мало народу, успеем до большой очереди. Вы только скажите, куда вас отвезти, потому что дед ваш при отъезде велел к нему обратно раньше осени не являться.

Вот с адресами у меня к тому часу было негусто. На постоялом дворе взяли бы плату, дома у старика меня ждало бы ухаживание за свиньями без удобного выхода к столице, а здесь человек поставил на стол сыр и не придвинул его к себе после моего первого замечания про горшок. На вчерашнюю себя, которая могла вызвать машину и вечером отмокать в ванне, я ещё немного позлилась, потому что эта идиотка даже не ценила, как приятно отмокать в ванне. Потом я решила, что к корыту привыкать рано, а жить можно и здесь, пока я зарабатываю на дом, где мою задницу хотя бы не будут обмерять на входе.

Деньги в столичных стенах, несомненно, водились, иначе столько людей не ждали бы у ворот с полными телегами. Я представила себе дом с сухим полом и большой ванной, потом подумала, что дом мне нужен свой, с землёй, а к нему я заслуживаю обращения, после которого мне не предлагают лично крутить колодезный ворот. Решение пробиться в знать я приняла над последней коркой хлеба и для начала потребовала свидетелей. Савелий сходил за соседками и вернулся с Ульяной, женщиной в чистом переднике, и Лукерьей, которая пришла со своим вязаньем, потому что слышала слово «условия» и сразу поняла, что дело надолго.

— Я могу брать заказы и сама получать за них плату, — сказала я, когда обе уселись. — Если я договорилась что-нибудь продать, деньги идут мне в руки, и тратить свою выручку я буду сама. И подтвердите при этих уважаемых женщинах, что ни постель, ни хлеб, ни въезд во двор в мой свадебный долг не запишут, даже если вы завтра пересчитаете все корочки.

Ульяна прикрыла рот ладонью, а Лукерья продолжила вязать, только стала чаще сбиваться на одной и той же петле. Савелий подтвердил, что долга за мной нет, потом немного подумал и попросил держать деньги на корм скоту отдельно. Овёс он покупал наперёд, а коровам, по его словам, нельзя было объяснить, что деньги ушли на хозяйский ужин и до нового месяца придётся есть воздух. Я согласилась, что коровы и впрямь заслуживают надёжного содержания, и мы договорились утром назвать при писаре всё, что решили.

— Хорошо-то хорошо, а где она у тебя нынче спать будет? — спросила Лукерья, поднимая новую петлю. — И на завтра вы тоже сразу уж условьтесь, чтоб нам посреди ночи за третьей свечой не бежать. У меня гулянья под окнами были в молодости, теперь спина болит высовываться.

— Сегодня на лавке поближе к печи, — сказала я. — А насчёт завтра у меня три требования, и все легко выполнить, если с утра не раздумывать. Горячая вода, засов на двери и возможность поговорить о брачной ночи без комиссии.

Савелий сказал, что воду нагреет к вечеру, засов найдёт, а за дверь и сам будет держать, если новый засов подведёт. Лукерья решила, что после такого обещания мы точно уживёмся, и убрала вязание в карман. Когда соседки ушли, Савелий постелил мне на лавке, а я спросила, можно ли завтра вместо толпы гостей получить целый пирог. Он пообещал, что к свадьбе у меня будет угощение круглое, сладкое и целое, после чего я, по местной неопытности, перестала уточнять подробности.

У писаря мы и вправду оказались первыми, потому что Ульяна разбудила меня прежде, чем печь успела остыть. Я успела умыться над горшком для хозяйственной воды и надеть чистую рубаху из приданого, а Лукерья умудрилась за это время объяснить Савелию, что на свадьбе жениху полагается пахнуть сеном только в том случае, если он конь. Он сменил рубаху, вернулся и повёз нас всех через ворота, когда караульный только поднимал брус. На заколку для волос мне пришлось пустить деревянную спицу, и всю дорогу Лукерья сидела напротив и смотрела, как я порчу её орудие труда.

Писарь занимал комнатку при палате у самой стены и держал у локтя глиняную миску с песком. Он сначала спросил, согласны ли мы, потом оглядел свидетелей, а под конец прошёлся пальцем по строкам, которые ему продиктовали. Когда выяснилось, что жена намерена получать деньги за свои заказы сама, писарь поднял на Савелия глаза. Тот подтвердил каждое слово, и я впервые услышала, как спокойно он может сказать «да», когда с вопросом обращаются к нему, а не к его покойной матери.

— Здесь имя ставьте. — Писарь подвинул бумагу ко мне и прижал пальцем уголок. — Если письму не учились, у нас есть порядок для людей, которым удобнее оставить крест. Только перо подальше от края держите, а то у жениха рукав праздничный.

Я подписалась, поставив после своего имени такую же размашистую закорючку, какой раньше утверждала сметы. Писарь присыпал подпись песком и разрешил Савелию поцеловать меня, если у того есть желание, а у меня нет возражений. Желание у Савелия, похоже, было, но он так долго выбирал, с какой стороны приступить, что я сама подставила щёку. Губы у него оказались тёплые, и я даже не сразу рассердилась, когда Лукерья потянула меня за рукав, чтобы забрать свою спицу.

На крыльце муж развязал полотенце, которое всё утро берёг от меня. Внутри лежал круглый ржаной хлеб, надрезанный сверху и залитый мёдом, стекавшим в надрезы. Я посмотрела на него, на Савелия и ещё раз на хлеб, надеясь, что при повторном осмотре найдётся начинка. Ульяна отломила горячий край и с таким аппетитом облизала мёд с пальца, что я тут же отломила себе кусок побольше, чтобы свидетелям не досталась вся сладкая часть моего брака.

— Я просила пирог, — сказала я Савелию, пока мы шли к повозке. — В следующий раз, когда я попрошу шубу, ты мне тоже принесёшь овцу и скажешь, что она круглая, тёплая и целая? Хотя овцу можешь брать сразу, мне здесь явно пригодится кто-нибудь в шерсти.

Весь обратный путь муж уверял, что по части шубы обещаний пока не давал. Дома он нагрел воду, пристроил деревянный засов и до вечера бегал из двора в корчму, откуда дважды приходили за ним по хозяйству. Я выкупалась, насколько позволила ширина корыта и к его возвращению сидела у печи с чистыми волосами и твёрдым намерением заставить его закрыть ставню. От сквозняка над кроватью у меня уже мёрзли места, которые на свадьбе принято укрывать с особенной заботой.

Савелий полез на кровать с одной стороны, я с другой, и мы потянули ставню каждый к себе. Она хлопнула разом, прихватив мой широкий рукав и край его манжеты, так что отойти можно было только вдвоём или совсем без рукавов. Савелий дёрнулся, я велела ему не рвать мою единственную чистую рубаху, и в ту же секунду мы столкнулись лбами. Он засмеялся первым, потом я посмотрела на наши пришпиленные руки и засмеялась так, что чуть не съехала с кровати.

Когда мы освободили рукава и наконец легли, соломенный тюфяк осел посередине, и нас свезло друг к другу с таким старанием, словно тоже расписывался у писаря. Савелий шепнул, что свежая солома в сарае и утром он обязательно набьёт тюфяк заново. Я попросила сперва перетащить его на пол, где падать будет уже некуда, и поцеловала Савелия, пока он ещё лежал близко и ничего не успел пообещать. Через минуту мы тащили тюфяк за разные углы, спотыкаясь о горшок, который так и остался у двери.

Утром я открыла глаза, увидела потолочную балку и некоторое время соображала, отчего кровать рядом, а я на полу. Во дворе уже звякали коровьи колокольчики, и Савелий, наклонившись через порог, спрашивал, сплю ли я. По его лицу я поняла, что ответ «да» ему уже понравился бы меньше, чем работа, для которой он меня будил. Я натянула одеяло до подбородка и предложила обсудить стоимость раннего подъёма.

— Коров надо отогнать на пастбище, а пойло для свиней в двух вёдрах у загона, — сказал Савелий. — Сперва вылей в дальнее корыто, тогда большие уйдут туда и мелкие успеют к ближнему. Если Герцогиня подойдёт к калитке, придержи её коленом.

Я села и спросила, кого придерживать коленом, Герцогиню или калитку, но муж уже бежал за коровой, которая попыталась свернуть к огороду. На крючке у двери нашёлся передник, а под лавкой стояли башмаки, просохшие до такой степени, что теперь натирали с двух сторон. Я подоткнула юбку почти до колен, натянула передник и пошла знакомиться с местной знатью. Как и положено знати, она уже слышала, что для неё несут завтрак, и стояла у ограды плотной розовой стеной.

Назвать Герцогиней могли только самую большую, с розовым пятном на левом ухе и выражением лица пожилой родственницы, которую забыли первой посадить за стол. Я приоткрыла калитку и, прижав ведро к животу, протиснулась боком. К дальнему корыту пришлось идти мелкими шагами, потому что у каждой ноги немедленно появилась своя свинья. Всю дорогу я повторяла «дайте пройти», пока не поняла, что говорю тем же тоном, каким просила работников освободить лифт в офисе, и что работники, по крайней мере, старались не совать мне нос под юбку.

Пойло я вылила почти целиком в корыто, а с последней порцией замешкалась, стараясь сберечь передник. Тут Герцогиня боднула пустеющее ведро снизу, и ручка так хлопнула меня по костяшкам, что я поневоле разжала пальцы. Ведро прокатилось до калитки, свинья за ним, и Герцогиня толкнула калитку как раз тогда, когда я подняла передник, чтобы стереть жижу с подбородка. Калитка защёлкнулась, а щеколда осталась снаружи, где мне могла бы пригодиться ещё одна рука, желательно длиннее моих ног.

— Ты ведь понимаешь, что от твоего титула до окорока один хороший повар? — спросила я у Герцогини, которая увлечённо вылизывала край ведра. — Подними голову и посмотри, в каком положении теперь хозяйка. И если ты сейчас опять полезешь мне между ног, у нас хотя бы будет ясно, кто кому испортил репутацию.

К тому времени, когда Савелий вернулся, я попробовала приподнять щеколду прутом, просунуть пальцы между досками и один раз перелезть. Последний способ пришлось отменить, потому что на верхней жерди юбка натянулась так, что Герцогине осталось только откусить лишнее. Савелий открыл калитку, придержал её коленом и первым делом помог мне высвободить зацепившуюся за жердь юбку. Потом он повесил на засов петлю из верёвки и показал, как открывать его изнутри, если опять придётся разговаривать с герцогинями наедине.

Я вышла из загона и с удовольствием пересчитала пальцы на ногах. На правом башмаке остался жирный след от пятака, и я потянулась за чистой тряпкой, которую Савелий держал за поясом. Он уступил её без слов, зато, увидев, что я начала с башмака, показал пальцем на моё лицо.

— Смотри, эту сперва надо отвести, тогда мелкие полезут куда им положено, — сказал он и поднял с земли второе ведро. — Зови её как хочешь, только голос не повышай, она от этого думает, что тебя пора толкнуть. Я обычно стучу по корыту, а дальше она сама знает, за чем пришла.

Он дважды постучал костяшками по дальней кормушке, и Герцогиня перебралась туда с удивительным проворством. Остальным Савелий коротко присвистнул и успел выставить второе корыто прежде, чем они опомнились. Я стояла снаружи, с распахнутой калиткой за спиной, и думала, что с этим человеком всё хозяйство, пожалуй, можно объехать без крика. Дома я потребовала столь же простой порядок для себя, поскольку по сравнению со свиньями у меня было хотя бы то преимущество, что я могла его прочитать.

Савелий поставил веник у печи, показал грядку с картошкой и объяснил, откуда носить воду. Потом он начертил на дощечке три чёрточки, в которые уложил все домашние дела до обеда, и побежал открывать корчму. Я не стала звать его обратно, потому что сперва и сама порадовалась, как просто у меня теперь всё расписано. Через полчаса я смотрела на первую чёрточку, уткнувшись носом в пыль, и подозревала, что у меня дома раньше были люди, которые именно за такие чёрточки просили прибавку.

Веник собирал мусор только в одном направлении, от меня, причём у самой двери он сбрасывал прилипшую пыль обратно на чистое. Я принялась махать сильнее, попала по ножке стола, и на меня сверху свалился пустой деревянный ковш. Если бы я раньше застала уборщицу за таким обращением с веником, я бы предложила ей пройти обучение. Теперь я села посреди кухни, приложила к макушке мокрый край передника и подумала, что обучение лучше всего начинать с объяснения, зачем остальные женщины так ловко держат эту дрянь поперёк тела.

За картошкой я пошла к середине дня, когда в огороде стало жарко, как в парикмахерской под сушилкой. Первое растение я выдернула за ботву вместе с комом земли и нашла под ним три картофелины величиной с мой большой палец. Рядом лежала лопатка, которой я могла воспользоваться сразу, но после возни с веником у меня уже появились личные счёты с ручным инструментом. Я накопала столько, сколько влезло в передник, и встала только со второй попытки, потому что колени решили досидеть на грядке до первой пенсии.

Воду пришлось тащить трижды. Первое ведро я расплескала, когда задела за воротный столб, второе отдала на отмокание перепачканного передника, а третье донесла до печи полным примерно наполовину. Нагрела я его с таким трудом, что мысль заново идти к колодцу ради мытья картошки показалась мне прямым оскорблением. Я обтёрла о подол те клубни, с которых свисали особенно крупные комья, высыпала всё в котёл и дождалась, пока вода приобретёт цвет, который я великодушно приняла за навар.

Савелий пришёл, когда картошка уже трескалась, а я в третий раз заглядывала под крышку, надеясь разглядеть готовый ужин. Он снял куртку, спросил, где я ушибла лоб, и сел есть, даже не попросив хлеба. После первой ложки он некоторое время жевал, потом вынул изо рта маленький камешек и разглядел его на ладони. Я гордо пояснила, что картошка с собственного огорода, и пододвинула ему соль.

— Я уже догадался, откуда она, — сказал Савелий очень осторожно. — У неё такой земляной вкус, потому что на ней земля осталась, гляди, почти до середины трещины набилась. Если хочешь, попробую её теперь почистить, она уже мягкая.

— У тебя корчма, — сказала я, отбирая у него миску, чтобы он не предложил дочистить ещё и собственный желудок. — Иди поешь у себя, а завтра расскажи мне, сколько с тебя там

возьмут за ужин. Если по дороге застанешь кого-нибудь с горячим пирогом, скажи сразу, что слово «хлеб» у нас сегодня уже было.

Он посмотрел на дверь и ответил, что вечером ему скорее подадут кружку за его же счёт, чем горячее. Я уже открыла рот, чтобы предложить ему нанять повара, и догадалась сперва спросить, сколько человек всё-таки заказывает еду. Савелий сказал: «Смотря когда», и почесал бровь. Примерно так же он ответил на вопросы, сколько гостей ночует наверху и сколько денег остаётся после закрытия, только на третий раз убрал руку от лица, словно понял, что бровь ему больше не поможет.

Я достала из котла самую мелкую картофелину, сняла с неё кожицу и съела в два укуса. Я спросила, кому он оставляет деньги на размен, а Савелий увлёкся рассказом о соседе, которому пришлось разломить серебряную монету надвое, и я решила, что проще будет посмотреть самой, пока он ещё не предложил разломить следующую. Утром, когда муж выкатил тележку, чтобы отвезти в корчму дрова, я забралась поверх поленьев и потребовала везти меня к главному входу. После дня с веником мне впервые захотелось посмотреть, за что здесь люди отдают деньги.

Глава 3

К главному входу Савелий меня довёз, как я и потребовала, но высаживаться пришлось над канавой. Дрова он обычно ввозил с заднего двора, а перед крыльцом было место ровно для одного колеса и одной жены, если жена умела прыгать. Я пообещала ему лишить его свадебного поцелуя задним числом, если придётся ступать в канаву, и он подставил мне колено. Так я и явилась в корчму, опираясь на мужа гораздо основательнее, чем при заключении брака.

Пока мы заносили дрова, я успела выяснить, почему Савелий обычно разгружался сзади. Через зал поленья приходилось нести мимо двух лавок и человека, который ещё до обеда вытянул ноги в проход и на просьбу их убрать отвечал, что они у него с дороги гудят. В ту сторону, где дымила печь, я сходила один раз и после этого предпочла подавать дрова с крыльца. Мой муж, видимо, счёл, что я наконец освоилась, потому что оставил меня с последним поленом, а сам пошёл отмерять овёс для чьей-то лошади.

К полудню солнце добралось до окон, и стало видно, что половина благодушной темноты в зале держалась на слое грязи. От печи стлался дым, от досок тянуло кислым пивом, а мой знакомый с гудящими ногами уже снял рубаху и лежал на лавке поперёк, выставив живот на свет. Савелий наконец вернулся во двор и почти сразу вышел оттуда с полной кружкой. Я приготовилась узнать первого платёжеспособного гостя, однако кружка досталась именно тому, кто за всё утро так и не снял ног с прохода.

— Это Фрол, он мне весной телегу вытащил, — пояснил Савелий, когда я поинтересовалась, зачем поить лежачего. — Сел тогда по ось, у меня лошадь из упряжи чуть не вышла, а он взял верёвку и довёл меня до самой стены. Вот заедет человек перед дорогой, разве мне кружки жалко?

— С таким подходом ему можно сразу ноги мыть за счёт заведения, — сказала я. Фрол, до которого всё-таки добралось последнее слово, пошевелил босыми пальцами. — Ноги он, судя по всему, оставил сушить до следующей весны, так что думай, чем мыться будешь сам.

Дверь открылась, и на пороге показались мужчина, женщина и девочка лет семи. Девочка первой увидела Фрола и с интересом спросила, спит ли голый дядя или просто изображает мёртвого. Мужчина хотел заказать горячего, уже держал руку у кошеля, но тут Фрол приподнялся на локте, чтобы ответить девочке, и издал такой звук, будто в подвале открыли бочку. Женщина взяла дочку за руку и сказала мужу, что капусту они могут доесть и без общества.

Я обошла стол и успела перехватить их у ступеней. Прежде чем заговорить, я переставила с прохода пустую кружку, и девочка тут же предупредила меня, что под второй ступенькой лежит ещё одна. Её отец посмотрел на меня с некоторой жалостью, какая бывает у покупателя, когда ему предлагают подписать договор прямо на протекающей крыше. Я спросила, где они обычно едят, когда бывают у ворот с товаром.

— За стеной, у калачника, там жена у него ещё похлёбку ставит, — объяснил он. — А когда брус опустили, остаёмся в телеге и едим, что с утра завернули. Мы сегодня бы и здесь поели, только дочку я голым мужикам представлять начну, когда она сама себе такого выберет.

Я вернулась в зал и поставила возле двери табурет. С него мне были видны и подошедшие к крыльцу, и Савелий, который уже вытирал Фролу стол, хотя тот до него даже не дотягивался. На шестом человеке я перестала считать тех, кто вошёл и остался, потому что их было всего двое и оба заказали по кружке. Зато из четверых ушедших трое подержали руку на кошеле, словно в последний момент вспомнили, что у них ещё есть выбор.

— Савелий, мне нужны все твои записи по корчме, — сказала я, перехватив его с пустым подносом. — Сколько налил, сколько приготовили, кому дал в долг и кто обещал за это что-нибудь сделать. Если запись состоит из слов «он человек хороший», приноси и её, мне тоже интересно, сколько мы за хороших людей платим.

Он сказал, что дощечки и расписки у Аграфены, и показал на боковую дверь. Из-за неё тянуло луком, горячим жиром и той разновидностью гари, которую я в прошлой жизни назвала бы поводом для замены вытяжки. Я попросила Савелия пока занять моё место и посидеть у входа, не уговаривая прохожих зайти. Мне хотелось, чтобы хотя бы одного человека, который сюда заглянет и уйдёт, он увидел сам.

Аграфена приняла меня точно в тот момент, когда снимала горшок с огня, зажав его уши краями фартука. Горшок она опустила на стол, а фартуком тут же смахнула старые крошки на пол, предварительно перевернув его чистой, по её мнению, стороной. Мне хватило одного взгляда на эту сторону, чтобы решить, что вчерашняя картошка с землёй была ещё довольно щадящим способом проверить желудок. Я попросила показать, где у неё лежат кухонные тряпки.

— Вон моя тряпка, на мне, и сегодня она ещё чистая, — сказала Аграфена, приподняв фартук за пояс. — На прошлой неделе я просила Савелия купить холста, так он обещал до вечера и вправду до вечера куда-то ушёл. Теперь я, если что надо вытереть, сперва смотрю, в какую сторону со стола стекало.

Она говорила обстоятельно, без всякой охоты мне понравиться, и успела подвинуть ногой ведро под капающий с полки ковш. Я спросила, какой тряпкой она вытирает руки после помоев, и получила кивок на плечо. Рукав у неё действительно был темнее с этой стороны, а сама Аграфена выглядела так, будто собиралась дожить до старости даже при полном отсутствии холста во всём городе. Меня больше занимало, сколько при таком раскладе проживут мои будущие гости.

Мы договорились, что горячее она будет брать двумя сложенными лоскутами, а столы протирать отдельной тряпкой. Из своего приданого я могла пожертвовать нижний край одной рубахи, пока не купим холст, но потребовала, чтобы отмеряли от подола, а не от груди. Последней здесь и без того уделялось слишком много внимания. Аграфена принесла ножницы, положила их у двери на виду и повела меня наверх заодно посмотреть, сколько белья придётся отдавать на другие нужды.

На первые две ступени лучше было наступать с краю, а третья сама оповещала весь дом о приближении человека. Наверху оказалось три комнаты, из которых только в первой можно было уложить гостя и с утра получить с него деньги без объяснений. Во второй с потолка капало прямо в середину тюфяка, причём под тюфяк уже подложили щепку, чтобы вода стекала в миску. Я тронула край соломы и поняла, что гость может проснуться в холодной луже и со стыда доплатить за то, чего сам не делал.

— Совсем добрый тюфяк был, пока крыша не потекла, — сказала Аграфена и пнула щепку на прежнее место. — Если миску убрать, достанется полу, а снизу у меня мука стоит, потому что там больше нигде не помещается. Хочешь, я тебе ещё покажу, где у нас люди спят по сухой погоде?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.